

ПОЛИТИКА / POLITICS

Подходы КНР к «перезагрузке» системы глобального экономического управления в контексте теории структурной власти

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224050012

Рамич Мирзет Сафетович

Ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (адрес: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6).
ORCID: 0000-0003-1479-2785. E-mail: ramich_ms@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.09.2024.

Аннотация:

Процесс глобализации, который способствовал поддержанию неолиберального мирового порядка, замедлился после Азиатского финансового кризиса в 1998 г. и мирового финансового кризиса 2008 г., когда существующая система глобального экономического управления оказалась не способна оказать поддержку развивающимся странам, что усилило тренд на регионализацию и локализацию. Китай, выступая в качестве «возвышающейся державы» в процессе «транзита власти», сфокусировал усилия на трансформации системы глобального управления, которая до настоящего времени обеспечивала лидерство США. Изначально успешно используя глобализацию для интеграции в мировую экономику, Китай изменил свое место в системе глобального управления и получил возможность создавать и поддерживать новые структуры глобального управления. Для продвижения своего видения миропорядка была выбрана стратегия расширения деятельности в традиционных международных институтах (ООН, ВБ, МВФ) и создания параллельных международных институтов (ОПОП, АБИИ). США в условиях экономического «возвышения» КНР выбрали стратегию «размежевания», чтобы ограничить китайские возможности в своей сфере влияния. С одной стороны, это привело к формированию торговых и техноэкономических блоков, но с другой — позиция Китая сохранила возможность участия в своих организациях для стран, являющихся ядром существующего экономического порядка (G7, G20, ОЭСР). Автор делает вывод, что в текущих реалиях Китай придерживается неконфликтного ассиметричного подхода к реформированию системы глобального управления в экономической сфере, который подразумевает глобальное распространение норм через ООН, G20 и БРИКС, и реглобализацию мировой торговли посредством интенсификации регионального сотрудничества со странами Азии, Африки и Латинской Америки в рамках ОПОП, форумов сотрудничества региональных организаций и КНР и интеграции развивающихся стран в параллельные финансовые институты.

Ключевые слова:

КНР, США, «транзит власти», глобализация, глобальное управление.

Источники финансирования:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00443, URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00443/>, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Для цитирования:

Рамич М.С. Подходы КНР к «перезагрузке» системы глобального экономического управления в контексте теории структурной власти // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 7–24. DOI: 10.31857/S0131281224050012.

Глобальная конкуренция США и КНР, обострившаяся со стартом «властного транзита» в начале 2010-х гг., усилила процесс трансформации системы международных отношений¹. Учитывая, что основной ареной американско-китайской конкуренции выступает торгово-экономическая сфера, экономическое и технологическое «размежевание» (decoupling) американоцентричной и китаоцентричной систем усилило тенденции к фрагментации и формированию новых блоков и коалиций. Сложным методологическим вопросом явилось понимание масштаба «размежевания». На уровне двухсторонних отношений ни торговая война, ни технологические санкции в полной мере не привели к разъединению экономик — ограничению подверглось лишь сотрудничество стран по ряду стратегически важных направлений. На глобальном уровне «размежевание» относится к системе международных экономических отношений и к вопросу контроля над процессом глобализации в условиях великодержавной конкуренции². В такой трактовке оно становится системным элементом в процессе «транзита власти» и фокусирует внимание на китайском подходе к реформированию системы глобального управления в экономической сфере и реглобализации мировой торговли.

Китай выстраивает собственную стратегию с учетом необходимости продвижения своих интересов во всех международных форматах — традиционных, модифицированных и инновационных³. Развивая сотрудничество в международных институтах, КНР начинает формировать международные нормы (norm maker) и предлагает альтернативу форматам, которые продвигают США и их союзники⁴. Подобный подход в условиях конкуренции с США соответствует логике теории структурной власти⁵. С. Стрэндж предполагала, что структурная власть — это возможность создавать и поддерживать международные структуры, в рамках которых действуют другие государства и акторы. Основой структурной власти первого уровня выступает контроль над структурами безопасности, производства, финансовой сферой и системой распространения знаний. Их дополняют институты второго уровня: транспортные, торговые, энергетические структуры и системы поддержания общего благосостояния⁶. Исходя из логики данной теории, можно предположить, что стратегия КНР по реформированию системы глобального экономического управления и перестройке международных производственных цепочек направлена на достижение контроля над структурами первого уровня, а практические инициативы, такие как ОПОП, позволяют установить контроль над структурами второго уровня.

При выборе стратегии Китай руководствуется не только задачей расширения своей роли в системе глобального управления, но и стремится обеспечить максимально

¹ Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231. DOI: 10.22363/2313–0660–2021–21–2–210–231

² Zhang K.H. U.S.-China Economic Links and Technological Decoupling // *The Chinese Economy*. February 2023. Vol. 56. No. 5. Pp. 353–365. DOI: 10.1080/10971475.2023.2173399

³ Грачиков Е.Н., Сюй Х. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17. № 1. С. 7–24. DOI: 10.17323/1996–7845–2022–01–01; Лексюткина Я. В. Китай и реформирование международной экономической системы // *Сравнительная политика*. 2018. Т. 9. № 3. С. 26–41. DOI 10.18611/2221–3279–2018–9–3–26–41; Ларионова М.В., Шелепов А.В. «Группа двадцати», БРИКС и «Группа семи» в глобальном экономическом управлении // *Вестник международных организаций*. Т. 14. № 4. С. 48–71. DOI: 10.17323/1996–7845–2019–04–03

⁴ Paradise J.F. The Role of “Parallel Institutions” in China’s Growing Participation in Global Economic Governance // *Journal of Chinese Political Science*. April 2016. Vol. 21. No. 2. Pp. 149–175. DOI: 10.1007/s11366–016–9401–7

⁵ Конкуренция между США и КНР: возможности для России: Монография / Под ред. Д.А. Дегтерева. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.

⁶ Strange S. *State and Markets*. 2nd ed. L.: Continuum, 1994.

благоприятные условия для продолжения внутреннего развития. Существует два ключевых подхода к решению вопроса о выборе оптимальной стратегии. Один предполагает улучшение положения государства в существующей системе, другой — реформирование действующих международных институтов для отражения интересов Китая⁷. В то же время значительные изменения в системе глобального характера могут послужить катализатором для более радикального ответа со стороны США, стремящихся сохранить положение гегемона в условиях экономического «возвышения» КНР⁸.

Азиатский экономический кризис 1998 г. и мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. подорвали авторитет «Вашингтонского консенсуса» и неоллиберальной модели развития⁹. Это спровоцировало изменения в китайской модели экономического развития и запустило процесс деглобализации¹⁰. В 2010-х гг. для Китая это открыло возможности по реформированию глобальной системы управления и реглобализации мировой торговли. Новый импульс этот процесс получил после пандемии COVID-19, ставшей одним из элементов американо-китайской конкуренции¹¹.

Глобализация, деглобализация и реглобализация

С точки зрения теории «властного транзита» сменяемость доминирующего государства обеспечивается за счет накопления материальных ресурсов и проходит через несколько этапов, обусловленных разницей в потенциалах¹². Тогда как процесс глобализации можно увязать с пиком мощи существующей сверхдержавы, а процесс «размежевания» — с «возвышением» новой сверхдержавы¹³.

Подобное можно было наблюдать во время первой волны глобализации в XIX в., в период доминирования Великобритании, и во время Первой мировой войны, когда в качестве «возвышающейся» нации выступила Германия. После быстрого восстановления Германии процесс «размежевания» начался снова во время Второй мировой войны, когда США также выступили в роли новой «возвышающейся» державы. Период холодной войны можно рассматривать как «размежевание» двух групп государств с частичной глобализацией в каждой из них. В то время как вторая волна глобализации началась в 1991 г., когда США остались единственной сверхдержавой, сейчас

⁷ Sampson M., Wang J. Status-quo enhancing versus status-quo challenging change in global economic governance: the case of China in finance and trade // *International Relations*. 2023. Vol. 37. No. 4. Pp. 613–633.

⁸ Oniş Z., Kutlay M. The New Age of Hybridity and Clash of Norms: China, BRICS, and Challenges of Global Governance in a Postliberal International Order // *Alternatives: Global, Local, Political*. May 2020. Vol. 45. No. 3. Pp. 123–142. DOI: 10.1177/0304375420921086; Lake D.A. Economic Openness and Great Power Competition: Lessons for China and the United States // *The Chinese Journal of International Politics*. September 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 237–270. DOI: 10.1093/CJIP/POY010

⁹ Бердсолл Н., Фукуяма Ф. Консенсус после вашингтонского // *Россия в глобальной политике*. 2011. Т. 9. № 2. С. 194–203.

¹⁰ Stanojević N., Zakić K. China and deglobalization of the world economy // *National Accounting Review*. March 2023. Vol. 5. No. 1. Pp. 67–85. DOI: 10.3934/NAR.2023005

¹¹ Nye J. No, the Coronavirus Will Not Change the Global Order // *Foreign Policy*. April 16, 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/16/coronavirus-pandemic-china-united-states-power-competition/> (дата обращения: 20.08.2024).

¹² Дестерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной bipolarности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231

¹³ Zhang K.H. U.S.-China Economic Links and Technological Decoupling // *The Chinese Economy*. February 2023. Vol. 56. No. 5. Pp. 353–365. DOI: 10.1080/10971475.2023.2173399

США уже были должны реагировать на экономическую угрозу со стороны КНР началом нового этапа «размежевания»¹⁴.

Глобализация, ставшая ключевым трендом мировой политики на завершающем этапе холодной войны, способствовала расширению транснациональных экономических связей и во многом обеспечила рост благосостояния таких стран, как Китай¹⁵. В период «принятия и адаптации» Китай не только отказался от идеи революции в западноцентричной системе международных отношений, но и принял западные идеи и институты, значительно выиграв от интеграции. На протяжении всего этого периода роль Китая в глобальном управлении менялась от «системного ревизиониста» (“system revisionist”) к «защитнику системы» (“system vindicator”)¹⁶. Наличие направлений для развития и экономических выгод в существующей системе сдерживали Китай от более активных действий.

После Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. и мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. неолиберальная модель глобализации и «Вашингтонский консенсус» дискредитировали себя. Способствовав изменениям в системе глобального управления в экономической сфере и увеличив роль развивающихся стран в ней, они фактически сделали систему более многополярной¹⁷. Системные изменения привели к тому, что доля торговли в мировой экономике, которая планомерно увеличивалась с 1970-х гг. (24,98 %) до 2008 г. (61,08 %), снизилась до 52,5 % в 2009 г. (-8,58 %). Докризисных показателей мировая экономика достигла только к 2022 г., пережив еще один период падения в период пандемии COVID-19 в 2020 г.¹⁸ В Китае к 2006 г. доля экспорта товаров и услуг к ВВП достигла исторического максимума — 36 %, снизившись до 24,75 % к 2009 г.¹⁹ Таким образом, китайская экономика, будучи ориентированной на экспорт, также пережила серьезный удар, но показала большую устойчивость и осталась главной движущей силой роста мировой экономики²⁰.

Указанные выше события ускорили разработку и имплементацию в Китае новой стратегии, подразумевавшей снижение роли экспорта как основного драйвера экономического развития в сторону ориентации на внутренний спрос. Определяющей новой модель стала после 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва в 2013 г. и сопровождалась более осторожной денежно-кредитной политикой²¹. Это отчасти стало причиной начала процесса деглобализации мировой экономики²².

¹⁴ Zhang K.H. U.S.-China Economic Links and Technological Decoupling // *The Chinese Economy*. February 2023. Vol. 56. No. 5. Pp. 353–365. DOI: 10.1080/10971475.2023.2173399

¹⁵ Paul T.V. The Specter of Deglobalization // *Current History*. January 2023. Vol. 122. No. 840. Pp. 3–8. DOI: 10.1525/curh.2023.122.840.3

¹⁶ Peng B. China, Global Governance, and Hegemony: Neo-Gramscian Perspective in the World Order // *Journal of China and International Relations*. June 15, 2018. Vol. 6. No. 1. Pp. 49–72. DOI: 10.5278/ojs.jcir.v6i1.2363

¹⁷ Бердсолл Н., Фукуяма Ф. Консенсус после вашингтонского // *Россия в глобальной политике*. 2011. Т. 9. № 2. С. 194–203.

¹⁸ Trade (% of GDP) // *World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.TRD.GNFS.ZS> (дата обращения: 26.08.2024).

¹⁹ Exports of goods and services (% of GDP) — China // *World Bank Group*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS?locations=CN> (дата обращения: 18.08.2024).

²⁰ Лексютин А.В. Китай и реформирование международной экономической системы // *Сравнительная политика*. 2018. Т. 9. № 3. С. 26–41. DOI 10.18611/2221–3279–2018–9–3–26–41

²¹ Салицкий А.И., Семенова Н.К. Два контура: новое осмысление места Китая в мировой экономике и политике // *Коммунистический Китай. Цели и задачи к столетнему юбилею КПК: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН*. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 161–172.

²² Stanojević N., Zakić K. China and deglobalization of the world economy // *National Accounting Review*. March 2023. Vol. 5. No. 1. Pp. 67–85. DOI: 10.3934/NAR.2023005

Нормативная база подхода КНР к реформированию системы глобального управления была представлена в ряде выступлений Си Цзиньпина. В марте 2013 г. Си Цзиньпин выступил в МГИМО с речью, в которой вышел за рамки двухсторонних отношений России и Китая и предложил китайское видение миропорядка²³. В сентябре 2015 г. на 70-й сессии ГА ООН Си Цзиньпин официально представил новую концепцию межгосударственных отношений на глобальном уровне. Он заявил, что перед лицом глобальных вызовов ни одна страна не может стоять в стороне и добиваться успеха в одиночку, всем странам мира необходимо взаимодействовать и координировать свои действия²⁴.

Китайский подход к глобализации был закреплён в докладе XX съезда КПК, где была обозначена приверженность «правильному подходу к экономической глобализации» для содействия построению открытой экономики и повышения глобальной взаимосвязанности²⁵. Китай начал стремиться к реформированию мирового порядка, опираясь на верховенство национальных интересов и инклюзивный характер многосторонних форматов взаимодействия.

КНР стала вторым по величине рынком в мире и с 2016 г. является первой экономикой по ВВП по ППС, крупнейшим поставщиком продукции обрабатывающей промышленности, ведущим конкурентом США в сфере бизнеса и технологий, а также их основным геополитическим соперником²⁶. Для Америки, стремящейся сохранить доминирующее положение в условиях «властного транзита», технологическое и экономическое «размежевание» стало инструментом сдерживания Китая. Торговая война, экспортные и импортные ограничения, технологические и финансовые санкции побудили Китай к активизации стратегии реформирования системы глобального управления, которая подразумевает реглобализацию мировой экономики.

Трансформация подходов к глобализации

С теоретической точки зрения подход КНР к глобализации отличается от западного. Во-первых, изначально глобализация воспринималась Китаем как капиталистический проект, который противопоставлялся социалистической модели экономического управления. Во-вторых, реглобализация стала возможна благодаря развитию социализма с китайской спецификой и экономическим успехам КНР, которые сделали ее связующим звеном между развитыми странами, странами с развивающимися рынками и периферией. В-третьих, деглобализация может быть использована западными странами в качестве «оборонительной» стратегии в условиях снижения влияния²⁷.

²³ Си Цзиньпин в выступлении в МГИМО подчеркнул необходимость построить международные отношения нового типа на основе взаимовыгодного сотрудничества // *Генеральное Консульство Китайской Народной Республики в Санкт-Петербурге*. 23.03.2013.

URL: http://saintpetersburg.china-consulate.gov.cn/rus/zgxw/201304/t20130401_3828626.htm (дата обращения: 27.07.2024).

²⁴ 人类命运共同体 [Сообщество единой судьбы человечества] // *теория-人民网*. 06.09.2017.

URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0906/c413700-29519646.html> (дата обращения: 25.07.2023).

²⁵ 周嘉昕: “全球化” “反全球化” “逆全球化”概念再考察 [Чжоу Цзясинь. Пересмотр концепций «глобализации», «антиглобализации» и «деглобализации»] // *南京社会科学*. 2024年. 第4期. 第20–27页. DOI: 10.15937/j.cnki.issn1001-8263.2024.04.003

²⁶ Zhang K.H. U.S.-China Economic Links and Technological Decoupling // *The Chinese Economy*. February 2023. Vol. 56. No. 5. Pp. 353–365. DOI: 10.1080/10971475.2023.2173399

²⁷ 袁堂卫, 张志泉: 逆全球化, 再全球化的马克思主义分析 [Юань Танвэй, Чжан Чжичуань. Марксистский анализ антиглобализации и реглобализации] // *马克思主义研究*. 2019年. 第9期. 第141–150页.

Системные изменения в совокупности с расширением возможностей Китая в системе глобального управления способствовали изменению восприятия в КНР вопросов глобализации и реформирования международной системы.

В 1987 г. на XIII съезде КПК было отмечено, что Китаю необходимо более смело выходить на мировую экономическую арену, укрепляя торгово-экономическое сотрудничество с развитыми и развивающимися странами²⁸. Уже в 1992 г. в докладе Цзян Цзэминя на XIV съезде были представлены основные положения китайского подхода к реформированию миропорядка. В нем было обозначено, что Китай выступает за более справедливый международный экономический порядок, построенный на принципах равенства и взаимной выгоды. Отмечая центральную роль ООН и ее Устава в новом международном порядке, Цзян Цзэминь сделал акцент также на сотрудничестве с развивающимися странами, в том числе в рамках Движения неприсоединения и Группы 77²⁹.

Важным изменением в этот период стала ориентация на поддержку многополярности, которая, как предполагалось, могла стать основой для противодействия гегемонии США. Глобализация была признана объективной тенденцией развития мировой экономики, но в то же время воспринималась как «обоюдоострый меч», создавая не только возможности для экономического развития всех стран в условиях, когда развитые страны обладали большими преимуществами, но и в то же время угрозы для экономического суверенитета развивающихся стран из-за продвигаемой развитыми странами модели развития, политической системы и ценностей³⁰.

На XVI съезде КПК во внешнеполитической доктрине КНР впервые была выстроена система приоритетов в отношениях с великими державами, сопредельными государствами и развивающимися странами, а также сделан акцент на многосторонней дипломатии³¹. Также было отмечено, что в контексте экономической глобализации и новых реалий, возникших после вступления в ВТО, стоит на более высоком уровне и в более крупных масштабах участвовать в международном экономическом и техническом сотрудничестве и конкуренции³². Вступление в ВТО было важным шагом на пути интеграции КНР в существующую систему глобального экономического управления, поэтому в данный период прослеживался тренд на эффективное использование новых международных возможностей для продолжения развития.

После XVIII съезда КПК в 2012 г. Китай в условиях роста протекционизма и новых глобальных угроз безопасности сфокусировался на углублении и координации взаимовыгодного сотрудничества для обеспечения условий международного развития. В это же время многосторонние форматы ООН дополнили G20, ШОС и БРИКС³³. Китай начал

²⁸ 赵紫阳在中国共产党第十三次全国代表大会上的报告 [Доклад Чжао Цзяня на XIII съезде КПК] // 中国共产党历次全国代表大会数据库. 1987年. URL: <https://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65447/4526368.html> (дата обращения: 15.10.2024).

²⁹ 江泽民在中国共产党第十四次全国代表大会上的报告 [Доклад Цзян Цзэминя на XIV съезде КПК] // URL: <https://fuwu.12371.cn/2012/09/26/ART11348641194361954.shtml> (дата обращения: 15.10.2024).

³⁰ 孙建社: 全球化, 全球化, 多样化和国际关系民主化——略论江泽民国际战略思想 [Сунь Цзяньшэ. Многополярность, глобализация, диверсификация и демократизация международных отношений – краткая дискуссия о международной стратегической мысли Цзян Цзэминя] // 南京师大学报(社会科学版). 2003年. 第3期. 第40–45 页.

³¹ 维诺градов А.В. Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 5 С. 90–107. DOI: 10.31857/S013128120028043–8

³² 江泽民在中国共产党第十六次全国代表大会上的报告 [Доклад Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК] // 中央政府门户网站. URL: https://www.gov.cn/test/2008-08/01/content_1061490_5.htm (дата обращения: 16.10.2024).

³³ 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 [Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК] // 共产党员网. URL: https://www.12371.cn/2012/11/17/ART11353154601465336_11.shtml (дата обращения: 16.10.2024).

рассматривать вопросы своего развития в глобальной перспективе, содействуя созданию для него более благоприятных внешних условий³⁴. Международная турбулентность, возникшая после мирового финансового кризиса, открыла окно возможностей для Китая и позволила начать процесс трансформации системы глобального экономического управления. В этот период произошло переосмысление роли КНР в глобальном экономическом управлении, были предприняты попытки развития новых структур в финансовой и производственной сферах, одновременно ОПОП способствовала перестройке мировой торговой системы и инфраструктуры.

В следующее десятилетие Китай активизировал свои усилия по интенсификации сотрудничества с развивающимися странами для создания новых форматов в условиях обостряющейся конкуренции с США. Инициатива «Один пояс, один путь» стала одним из основных инструментов трансформации глобальной экономической структуры. В условиях, когда существующие механизмы экономического управления оказались недостаточно эффективными или превратились в инструмент влияния отдельных стран, ОПОП предложила новую модель торгово-экономического сотрудничества, способствуя региональной и глобальной интеграции и выступая драйвером мирового развития³⁵.

Усиливающаяся конкуренция США и КНР в начале 2020-х гг. стала важным внешним фактором китайской внешнеполитической стратегии. Она способствовала фрагментации международной системы и формированию конкурирующих объединений. Важным отличием такой структуры от существовавшей во время холодной войны является возможность балансировать между различными объединениями или даже участвовать в конкурирующих форматах, но в различных областях³⁶.

В свете новых вызовов и угроз, связанных с глобальными трансформациями, Китай занял более активную и конкурентную позицию в вопросах восприятия международной системы и глобализации что нашло отражение в докладе Си Цзиньпина на XX съезде. Во-первых, подход стал более всеобъемлющим за счет выдвижения Глобальной инициативы развития, Инициативы глобальной безопасности и Глобальной гражданской инициативы. Во-вторых, было отмечено, что Китай будет способствовать экономической глобализации, выступая против попыток создания барьеров, «разъединения», «разрыва цепочек» и односторонних санкций. В-третьих, Китай выступил с более активной позицией в вопросах реформирования системы глобального управления³⁷. Такие изменения, с одной стороны, стали реакцией на внешние вызовы и угрозы, с другой — официально закрепили базу для реформирования системы глобального управления и глобализации с китайской спецификой. Более активный подход означал дальнейшее углубление работы в сфере установления контроля над основными элементами системы глобального экономического управления в условиях конкуренции с США.

³⁴ 谢浩: 世界发展与中国发展: 中国经济全球化的特征与战略选择 [Се Хао. Глобальное развитие и развитие Китая: характерные черты и стратегический выбор китайской экономической глобализации] // 郑州轻工业学院学报(社会科学版). 2018年. 第2期. 第42–49 页.

³⁵ 徐秀军: 全球经贸格局重构与高质量共建“一带一路” [Сюй Сюйцзюнь. Реконфигурация глобальных экономических и торговых моделей и высококачественное строительство «Одного пояса, одного пути»] // 当代世界. 2023年. 第9期. 第17–22 页. DOI: 10.3969/j.issn.1006–4206.2023.09.004

³⁶ 阎学通: 中国新外交政策: 成为强者 [Янь Сюэту. Новая внешняя политика Китая: становясь сильным] // 复旦大学一带一路及全球治理研究院. 15.07.2021. URL: https://brgg.fudan.edu.cn/articleinfo_3707.html (дата обращения: 16.10.2024).

³⁷ Полный текст доклада 20-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая // *Посольство КНР в РФ*. URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zgxxw/202210/t20221026_10792071.htm (дата обращения: 16.10.2024).

Важно учитывать, что китайская модель глобализации не подразумевает исключение США из глобальных процессов, в такой системе они будут выступать одним из важных акторов, а не гегемоном³⁸.

Гибридный подход или новый мировой порядок

Китайский подход к реформированию системы глобального управления предполагает многоуровневую структуру, нацеленную на формирование новых торгово-экономических связей, строительство новых транспортных маршрутов через развитие физической инфраструктуры и обеспечение лидерства в сфере передовых технологий, а также расширение участия в международных институтах, создание новых параллельных форматов многостороннего сотрудничества и формирование новых международных норм на системном уровне. Основное отличие китайского подхода заключается в построении справедливого многостороннего управления, что противопоставляется миропорядку, основанному на правилах в неолиберальной модели мироустройства.

Е.Н. Грачиков и Сюй Хайянь выделяют три вида институциональных форматов сотрудничества КНР: традиционные международные институты (ООН, ВБ, МВФ, ГАТТ и др.), модифицированные (улучшенные) международные институты (G20, АСЕАН+3, ВТО и др.) и инновационные международные институты (ШОС, НБР БРИКС, АБИИ и др.)³⁹. На практическом уровне речь идет о развитии новой системы международного разделения труда с опорой на ОПОП. Подобный комплексный подход вызывает столкновение интересов КНР и США практически во всех сферах международного взаимодействия и ставит перед Китаем задачу минимизировать вероятность прямого военно-политического конфликта.

Идея создания «нового мирового порядка» в таких условиях звучит более радикально и не в полной мере соответствует китайским намерениям, в то время как идея реформирования системы глобального управления может выглядеть слишком консервативной и не позволяет в полной мере оценить возможности КНР в сфере формирования новых правил игры⁴⁰.

Более логичной видится идея гибридизации системы международного управления, в рамках которой продолжится сосуществование неолиберальной модели и новой модели политико-экономического взаимодействия⁴¹. В пользу такого выбора говорит опыт «транзита власти» от Великобритании к США, который не сопровождался силовым столкновением между гегемоном и «возвышающейся» державой, т.к. предыдущий гегемон сохранил доступ к существующим рынкам⁴². Фактически подобная модель «транзита власти», несмотря на передачу ответственности за поддержание миропорядка, сохра-

³⁸ 钱乘旦: 全球化的历史演变与新走向 [Цянь Чэндань. Историческая трансформация и новое направление глобализации] // 北京大学国家发展研究院. 03.12.2020.

URL: <https://www.nsd.pku.edu.cn/pub/chnsd/sylm/gd/510075.htm> (дата обращения: 16.10.2024).

³⁹ Грачиков Е.Н., Сюй Х. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17. № 1. С. 7–24. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-01-01

⁴⁰ Peng B. China, Global Governance, and Hegemony: Neo-Gramscian Perspective in the World Order // *Journal of China and International Relations*. June 15, 2018. Vol. 6. No. 1. Pp. 49–72. DOI: 10.5278/ojs.jcjr.v6i1.2363

⁴¹ Oniş Z., Kutlay M. The New Age of Hybridity and Clash of Norms: China, BRICS, and Challenges of Global Governance in a Postliberal International Order // *Alternatives: Global, Local, Political*. May 2020. Vol. 45. No. 3. Pp. 123–142. DOI: 10.1177/0304375420921086

⁴² Lake D.A. Economic Openness and Great Power Competition: Lessons for China and the United States // *The Chinese Journal of International Politics*. September 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 237–270. DOI: 10.1093/CJIP/POY010

няет доступ ко всем благам существующей системы. Однако в случае с Великобританией и США страны являлись носителями общих идеологических ценностей.

В этих условиях Китай сфокусировался на сотрудничестве с развивающимися странами, которые не были вовлечены в неолиберальную систему глобального управления и по большей части были неудовлетворены своим положением в существующем миропорядке. Сотрудничество со странами Глобального Юга стало продолжением теории «трех миров». Поэтому в новых политических реалиях Китай создал различные форматы многостороннего взаимодействия со странами Азии, Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки. Китай предпринимал попытку выстроить сотрудничество с существующими региональными организациями, как в случае с ЮВА (АСЕАН), Латинской Америкой (Андское сообщество, Группа Рио, МЕРКОСУР) и Ближним Востоком (Лига арабских государств), параллельно создавая механизмы работы со странами Африки (Форум сотрудничества Китай — Африка), Карибского бассейна (Форум торгово-экономического сотрудничества Китая и стран Карибского бассейна) и Тихого океана (Форум торгово-экономического сотрудничества Китая и островных государств Тихого океана)⁴³.

В традиционных международных институтах Китай аналогичным образом делает упор на сотрудничество с развивающимися государствами. Показательным примером является работа Китая с Группой 77 в международных форматах, в задачи которых входит преодоление экономического неравенства, деколонизация и трансформация существующего миропорядка⁴⁴. Формат работы с Группой 77 не является полноценным политическим полюсом силы, а направлен на координацию действий развивающихся стран⁴⁵. Для Китая в большей степени это является одним из инструментов расширения влияния и координации действий в структуре ООН.

Важное место в китайской стратегии реформирования системы глобального управления занимает задача продвижения новых международных норм в рамках «Группы двадцати». Китай активизировал работу в данном формате после саммита в Ханчжоу в 2016 г. Роль принимающей стороны позволила КНР включить в повестку дня новые положения: использование сообщества единой судьбы человечества в качестве новой ценностной базы глобального управления в экономической сфере; углубление инициативы «Один пояс, один путь» для обеспечения общественных благ; укрепление сотрудничества по линии Юг — Юг для создания справедливой и рациональной системы глобального управления; совершенствование механизмов G20 с целью создания долгосрочной платформы для глобального управления⁴⁶. Таким образом, деятельность внутри «двадцатки» призвана способствовать реформированию существующих институтов глобального управления в экономической сфере⁴⁷.

⁴³ Duggan N. China—The Champion of the Developing World: A Study of China's new Development Model and its Role in Changing Global Economic Governance // *Politics & Policy*. October 2020. Vol. 48. No. 5. Pp. 836–858. DOI: 10.1111/polp.12377

⁴⁴ Olorunto S. G77+China and Global Governance of Trade and Development // *Latin American Report*. August 5, 2016. Vol. 31. No. 1. DOI: 10.25159/0256–6060/427

⁴⁵ Mbaidjol N.K. African countries and the global scramble for China: a contribution to Africa's preparedness and rehearsal: International comparative social studies. Leiden: Boston: Brill, 2019. Vol. 41. 190 p.

⁴⁶ 易小丽, 黄茂兴: 中国积极参与G20建设并推动全球经济治理改革的实践变化 [И Сюли, Хуан Маосин. Активное участие Китая в строительстве G20 и продвижение практических изменений в реформе глобального экономического управления] // *经济研究参考*. 2019年. 第24期. 第27–36页. DOI: 10.16110/j.cnki.issn2095–3151.2019.24.005

⁴⁷ 黄新焕, 鲍艳珍: G20机制下中国参与全球经济治理的政策路径 [Хуан Синьхуань, Бао Яньчжэнь. Политический путь Китая по участию в глобальном экономическом управлении в рамках механизма G20] // *经济研究参考*. 2019年. 第24期. 第37–44页. DOI: 10.16110/j.cnki.issn2095–3151.2019.24.006

Для функционирования новой системы требуются более эффективные, чем существующие, институты для взаимодействия в продовольственной, цифровой, энергетической и транспортной областях, а также единая расчетная единица и система расчетов⁴⁸.

БРИКС выступает в качестве более значимого формата, который призван стать ядром новой системы глобального управления. Новый банк развития БРИКС и Пул условных валютных резервов БРИКС способствуют снижению зависимости от доллара и западной экономической системы, что необходимо для успешной реализации китайского проекта реформирования системы глобального управления и реглобализации. Особую значимость альянсу придает участие в нем стран, обладающих возможностью влиять на глобальные политические и экономические процессы, таких как Россия и Индия, а также Бразилия, ЮАР, Иран, ОАЭ, Египет и Эфиопия, которые имеют значительный вес в региональных процессах.

БРИКС может выполнять функцию связующего звена между глобальным Югом и глобальным Севером, укрепляя сотрудничество с ООН, G20, ВТО и МВФ и усиливая роль НБР и Резервного фонда в целях противодействия непредвиденным обстоятельствам. После расширения состава участников необходимо развивать экономические и финансовые институты, в том числе работать над созданием единой платежной системы BRICS-Pay⁴⁹. Практические результаты саммита БРИКС в Казани подтверждают ориентацию на подобные изменения. Итоговая декларация одновременно призывает к изменениям в существующих многосторонних институтах (МВФ и МБРР) и продвижению незападных институциональных альтернатив (НБР, Пул условных валютных резервов), ставя целью снижение зависимости от «старых» международных институтов в условиях возможного давления со стороны Запада⁵⁰.

Подобные действия указывают на выбор Китаем менее конфликтного подхода, который подразумевает системное реформирование существующих международных институтов, координируя свою позицию с развивающимися странами в глобальных дискуссионных форматах, таких как БРИКС и G20, в то время как практическое сотрудничество в большей степени сконцентрировано в региональных форматах сотрудничества со странами Африки, Азии и Латинской Америки. Еще одним подтверждением гипотезы о формировании гибридной системы является участие большого числа западных стран из числа «ядра мировой экономики» (5 из 7 членов G7, 16 из 19 членов G20, 26 из 37 членов ОЭСР и 42 из 61 членов МБР) в АБИИ⁵¹. Это же обстоятельство свидетельствует о более гибком подходе по сравнению с моделью периода холодной войны.

В сфере реформирования глобальной торгово-экономической системы наблюдается асимметричный подход, где больший упор делается на формировании практических связей, а не на глобальной координации действий. В этом процессе важную роль играют новые институты, созданные КНР, прежде всего АБИИ и ОПОП. Китай поддерживает

⁴⁸ Виноградов А.В. Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 5. С. 90–107. DOI: 10.31857/S013128120028043–8

⁴⁹ Петровский В.Е. Перспективы расширения и развития БРИКС: академические дискуссии в Китае // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 2. С. 48–60. DOI: 10.31857/S0131281224020047

⁵⁰ Кортунов А.В. «Манифест нового мирового порядка»: разбираем Казанскую декларацию БРИКС // *РСМД*. 25.10.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/manifest-novogo-mirovogo-poryadka-razbiraem-kazanskuyu-deklaratsiyu-briks/?sphrase_id=163471114 (дата обращения: 04.11.2024).

⁵¹ Конкуренция между США и КНР: возможности для России: Монография / Под ред. Д.А. Дегтерева. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.

страны, в которые обычно не инвестируют западные государства, а международные организации (ВБ, МВФ и региональные банки развития) выдвигают жесткие требования⁵².

Для развивающихся стран, которые оказались в зависимом положении в системе взаимодействия центра и периферии, возможность изменить свое положение возникнет в случае более активного участия в глобальной цепочке добавленной стоимости, защиты собственного производства и совместного развития. Китай, руководствуясь этой логикой, предложил инициативу «Один пояс, один путь» и создал АБИИ, что явилось первым шагом на пути к новой модели экономической глобализации во главе с КНР. Основным отличием этой модели является отсутствие принуждения со стороны центра в отношении стран периферии, поскольку акцент сделан на равном участии в международном разделении труда, экономической интеграции и общем развитии⁵³.

Трансформация системы глобального управления через реглобализацию

Новым импульсом в процессе трансформации миропорядка, возглавляемого США, стала пандемия COVID-19, которая, помимо социально-экономического измерения, выступила в качестве одного из аспектов, оказавших влияние на американо-китайскую конкуренцию⁵⁴. С одной стороны, пандемия углубила процесс деглобализации. И в то же самое время коронавирусный кризис способствовал развитию идей реглобализации, явившихся ответом на трансформации в сфере глобальных цепочек поставок, регулирования вопросов интеллектуальных прав собственности, международных институтов и глобального управления. Китай в этот период времени продолжил укреплять и расширять партнерские отношения на различных уровнях, включая сопредельные страны, двухсторонние и многосторонние форматы, реформирование системы глобального экономического управления в условиях противодействия со стороны США в многосторонних и минилатеральных форматах⁵⁵.

Китай, сумевший в более короткие сроки чем США преодолеть новый вызов, использовал пандемию как возможность углубить сотрудничество с развивающимися странами, неспособными справиться с социально-экономическими проблемами, такими как обеспечение медицинским оборудованием, вакцинами, продуктами питания, и пострадавшими от нарушения глобальных логистических цепочек. Международная ситуация отчасти повторяла тенденции, актуальные во время мирового финансового кризиса 2008 г.

Американо-китайская конкуренция в таких условиях способствовала развитию деглобализационных трендов — регионализации и локализации⁵⁶. Примером успешного управления актуальными трендами со стороны КНР стала активизация работы над согла-

⁵² Paul T.V. Globalization, deglobalization and reglobalization: adapting liberal international order // *International Affairs*. September 2021. Vol. 97. No. 5. Pp. 1599–1620. DOI: 10.1093/ia/iiaab072

⁵³ 苏立君, 葛浩阳: 从经济全球化到“再全球化”——基于“一带一路”的战略思考 [Су Лицзюнь, Гэ Хаоян. От экономической глобализации к «реглобализации» – стратегическое мышление на основе «Одного пояса, одного пути»] // *财经科学*. 2017年. 第10期. 第52–62页.

⁵⁴ Nye J. No, the Coronavirus Will Not Change the Global Order // *Foreign Policy*. April 16, 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/16/coronavirus-pandemic-china-united-states-power-competition/> (дата обращения: 20.08.2024).

⁵⁵ 易继明: 后疫情时代“再全球化”进程中的知识产权博弈 [И Цзимин. Борьба в сфере интеллектуальной собственности в процессе «реглобализации» в постпандемическую эпоху] // *环球法律评论*. 2020年. 第5期. 第163–177页.

⁵⁶ Wang Z., Sun Z. From Globalization to Regionalization: The United States, China, and the Post-Covid-19 World Economic Order // *Journal of Chinese Political Science*. March 2021. Vol. 26. No. 1. Pp. 69–87. DOI: 10.1007/s11366–020–09706–3

шением по Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству (ВРЭП), которое было заключено осенью 2020 г. После распада ТТП КНР осталась единственным лидером масштабной экономической интеграции в регионе, главной опорой которой стало ВРЭП⁵⁷. В 2022 г. США предложили проект Индо-Тихоокеанской экономической структуры (ИТЭС), а страны региона продолжили развитие ТТП в новом формате (ВПТТП). Данные объединения в настоящее время не способны конкурировать с ВРЭП. При этом КНР не отрицает возможности присоединения к ВПТТП в случае отсутствия противодействия со стороны стран-участниц⁵⁸.

На практическом уровне страны АСЕАН в совокупности стали крупнейшим торговым партнером КНР в 2020 г., к 2023 г. увеличив товарооборот до 468,8 млрд долларов⁵⁹. Для Китая имплементация подобной стратегии в АТР стала возможна благодаря сформировавшейся в регионе модели регионализации, основанной на взаимодействии с АСЕАН.

В Латинской Америке региональная интеграция не способствовала единой позиции относительно сотрудничества с КНР и участия в китайских инициативах и международных институтах. Страны Тихоокеанского Альянса, ориентированные на торговлю, поддерживали идею углубления торгово-экономического сотрудничества с КНР, в то время как участники МЕРКОСУР, руководствуясь политическими факторами, не проявили подобного единства мнений. Поэтому основной площадкой для продвижения китайских интересов в регионе стал Форум Китай — СЕЛАК⁶⁰. Однако в условиях существенного влияния США и слабых внутрирегиональных интеграционных связей включение ОПОП и АБИИ в региональные процессы происходит медленно. Показательной является технологическая сфера, где конкуренция США и КНР способствовала формированию технoэкономических блоков в регионе на основе выбора оптимального поставщика 5G-инфраструктуры⁶¹.

В это же время Африка стала одним из основных пространств американо-китайской конкуренции. Ограниченная конкуренция, в условиях которой Китай продвигает инвестиционное и инфраструктурное сотрудничество в рамках ОПОП и АБИИ, и США, которые сохраняют свое влияние в сфере добычи ресурсов и обеспечения безопасности, создают сложности для прогнозирования будущих контуров регионального мироустройства⁶².

Принимая во внимание вышесказанное, можно сделать вывод о высоком приоритете сотрудничества в региональном формате для современной стратегии КНР по реформированию системы глобального управления. Тесные торгово-экономические и тех-

⁵⁷ Park S.C. Mega FTAs and the Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) in the Asia Pacific Region: Will It Be Cooperation or Competition? // *International Organisations Research Journal*. July 2023. Vol. 18. No. 2. Pp. 122–150. DOI: 10.17323/1996–7845–2023–02–07

⁵⁸ Тимофеев О.А., Шарипов Ф.Ф. Обострение китайско-американской конкуренции по проблеме миропорядка: эволюция взглядов китайских ученых // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 2. С. 26–40. DOI: 10.31857/S013128120025383–2

⁵⁹ Huld A. China-ASEAN Trade and Investment Relations // *China Briefing*. August 9, 2024. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-asean-trade-and-investment-relations/> (дата обращения: 25.07.2024).

⁶⁰ Almeida F.A.R. Belt and Road Initiative and its Impacts on Latin America's Regional Integration // *The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12)*. Amsterdam University Press, June 2022. Pp. 9–17.

⁶¹ Дестерев Д.А., Пискунов Д.А., Еремин А.А. 5G-конкуренция США и КНР в странах Латинской Америки: у истоков технологического декаплинга // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 3. С. 20–37. DOI: 10.17976/jpps/2023.03.03

⁶² Конкуренция между США и КНР: возможности для России: Монография / Под ред. Д.А. Дестерева. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.

нологические связи способствуют формированию не только новых экономических блоков и реглобализации, но и взаимозависимых связей в условиях американо-китайского «размежевания». Выстраивание устойчивых торгово-экономических связей на региональном уровне через сотрудничество с международными организациями и через включение развивающихся стран в работу инициативы «Один пояс, один путь», Фонда Шелкового пути и АБИИ способствует реглобализации, в основе которой лежит нормативная и институциональная база, предложенная КНР.

* * *

Проведенный анализ позволяет сопоставить процесс «транзита власти» реформированию системы глобального управления в экономическом пространстве и практической перестройке (реглобализации) глобальной торгово-экономической системы.

Процесс «размежевания», запущенный США, стал ожидаемой реакцией на начало периода «транзита власти» и определил контуры дальнейшей конкурентной борьбы за роль государства, формирующего международные нормы. Китай, более успешно показавший себя в условиях финансовых кризисов конца 1990-х гг. и начала 2000-х гг., смог предложить альтернативу «Вашингтонскому консенсусу» и создать систему параллельных международных институтов, позволяющих развивать независимое сотрудничество с развивающимися странами, неудовлетворенными существующей системой глобального управления.

Принимая во внимание, что прямое столкновение с США повлечет за собой большую дестабилизацию системы и повысит конфликтную напряженность, Китай выбрал гибридный подход, формируя систему, которая не является антагонистичной к неолиберальному мировому порядку, созданному США. Важно учитывать опыт мирного «транзита власти» от Великобритании к США, который стал возможен благодаря тому, что у Великобритании сохранился доступ к рынкам, созданным в рамках предыдущей системы.

Отношение к глобализации и реформированию системы глобального экономического управления в КНР трансформировалось с ходом интеграции Китая в глобальную экономику и параллельно тому, как менялось его восприятие своего места в системе: от принятия глобализации в качестве одного из важных факторов китайского развития до выдвижения нового, более справедливого подхода, который в конечном итоге был противопоставлен возглавляемой США неолиберальной модели мироустройства.

После пандемии COVID-19, ускорившей процессы регионализации и локализации, целью китайской стратегии стало формирование региональных торгово-экономических и техно-экономических блоков, которые способствуют продвижению китайских ценностей в глобальных международных институтах, таких как ООН и G20. Блоковый характер международной системы, в свою очередь, имеет более гибкий формат по сравнению с периодом холодной войны, позволяя балансировать между конкурирующими форматами.

Институциональная стратегия КНР направлена на трансформацию системы глобального управления с опорой на структуры, которые отвечают современным внешнеполитическим приоритетам страны и направлены на усиление контроля над международными структурами управления первого и второго уровней. Подобные китаецентричные форматы находят поддержку со стороны развивающихся стран, заинтересованных в рассмотрении положений существующей системы глобального управления.

Литература

- Бердсолл Н., Фукуяма Ф. Консенсус после вашингтонского // *Россия в глобальной политике*. 2011. Т. 9. № 2. С. 194–203.
- Виноградов А.В. Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 5. С. 90–107. DOI: 10.31857/S013128120028043–8
- Грачиков Е.Н., Сюй Х. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17. № 1. С. 7–24. DOI: 10.17323/1996–7845–2022–01–01
- Дегтерев Д.А., Пискунов Д.А., Еремин А.А. 5G-конкуренция США и КНР в странах Латинской Америки: у истоков технологического декаплинга // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 3. С. 20–37. DOI: 10.17976/jpps/2023.03.03
- Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231. DOI: 10.22363/2313–0660–2021–21–2–210–231
- Конкуренция между США и КНР: возможности для России: Монография / Под ред. Д.А. Дегтерева. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.
- Ларионова М.В., Шелепов А.В. «Группа двадцати», БРИКС и «Группа семи» в глобальном экономическом управлении // *Вестник международных организаций*. Т. 14. № 4. С. 48–71. DOI: 10.17323/1996–7845–2019–04–03
- Лексюткина Я.В. Китай и реформирование международной экономической системы // *Сравнительная политика*. 2018. Т. 9. № 3. С. 26–41. DOI: 10.18611/2221–3279–2018–9–3–26–41
- Петровский В.Е. Перспективы расширения и развития БРИКС: академические дискуссии в Китае // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 2. С. 48–60. DOI: 10.31857/S0131281224020047
- Салицкий А.И., Семенова Н.К. Два контура: новое осмысление места Китая в мировой экономике и политике // *Коммунистический Китай. Цели и задачи к столетнему юбилею КПК: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН*. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 161–172.
- Тимофеев О.А., Шарипов Ф.Ф. Обострение китайско-американской конкуренции по проблеме миропорядка: эволюция взглядов китайских ученых // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 2. С. 26–40. DOI: 10.31857/S013128120025383–2
- Almeida F.A.R. Belt and Road Initiative and its Impacts on Latin America's Regional Integration // *The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12)*. Amsterdam University Press, June 2022. Pp. 9–17.
- Duggan N. China—The Champion of the Developing World: A Study of China's new Development Model and its Role in Changing Global Economic Governance // *Politics & Policy*. October 2020. Vol. 48. No. 5. Pp. 836–858. DOI: 10.1111/polp.12377
- Lake D.A. Economic Openness and Great Power Competition: Lessons for China and the United States // *The Chinese Journal of International Politics*. September 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 237–270. DOI: 10.1093/CJIP/POY010
- Mbaidjol N.K. African countries and the global scramble for China: a contribution to Africa's preparedness and rehearsal: International comparative social studies. Leiden: Boston: Brill, 2019. Vol. 41. 190 p.
- Oloruntimehin S. G77+China and Global Governance of Trade and Development // *Latin American Report*. August 5, 2016. Vol. 31. No. 1. DOI: 10.25159/0256–6060/427
- Oniş Z., Kutlay M. The New Age of Hybridity and Clash of Norms: China, BRICS, and Challenges of Global Governance in a Postliberal International Order // *Alternatives: Global, Local, Political*. May 2020. Vol. 45. No. 3. Pp. 123–142. DOI: 10.1177/0304375420921086
- Paradise J.F. The Role of “Parallel Institutions” in China's Growing Participation in Global Economic Governance // *Journal of Chinese Political Science*. April 2016. Vol. 21. No. 2. Pp. 149–175. DOI: 10.1007/s11366–016–9401–7
- Park S.C. Mega FTAs and the Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) in the Asia Pacific Region: Will It Be Cooperation or Competition? // *International Organisations Research Journal*. July 2023. Vol. 18. No. 2. Pp. 122–150. DOI: 10.17323/1996–7845–2023–02–07
- Paul T.V. Globalization, deglobalization and reglobalization: adapting liberal international order // *International Affairs*. September 2021. Vol. 97. No. 5. Pp. 1599–1620. DOI: 10.1093/ia/iiaib072

- Paul T.V. The Specter of Deglobalization // *Current History*. January 2023. Vol. 122. No. 840. Pp. 3–8. DOI: 10.1525/curh.2023.122.840.3
- Peng B. China, Global Governance, and Hegemony: Neo-Gramscian Perspective in the World Order // *Journal of China and International Relations*. June 15, 2018. Vol. 6. No. 1. Pp. 49–72. DOI: 10.5278/ojs.jcir.v6i1.2363
- Sampson M., Wang J. Status-quo enhancing versus status-quo challenging change in global economic governance: the case of China in finance and trade // *International Relations*. 2023. Vol. 37. No. 4. Pp. 613–633.
- Stanojević N., Zakić K. China and deglobalization of the world economy // *National Accounting Review*. March 2023. Vol. 5. No. 1. Pp. 67–85. DOI: 10.3934/NAR.2023005
- Stanojević N., Zakić K. China and deglobalization of the world economy // *National Accounting Review*. March 2023. Vol. 5. No. 1. Pp. 67–85. DOI: 10.3934/NAR.2023005
- Strange S. *State and Markets*. 2nd ed. L.: Continuum, 1994.
- Wang Z., Sun Z. From Globalization to Regionalization: The United States, China, and the Post-Covid-19 World Economic Order // *Journal of Chinese Political Science*. 2021. Vol. 26. No. 1. Pp. 69–87. DOI: 10.1007/s11366–020–09706–3
- Zhang K.H. U.S.-China Economic Links and Technological Decoupling // *The Chinese Economy*. February 2023. Vol. 56. No. 5. Pp. 353–365. DOI: 10.1080/10971475.2023.2173399
- 周嘉昕: “全球化”“反全球化”“逆全球化”概念再考察 [Чжоу Цзясинь Пересмотр концепций «глобализации», «антиглобализации» и «деглобализации»] // *南京社会科学*. 2024年. 第4期. 第20–27页. DOI: 10.15937/j.cnki.issn1001–8263.2024.04.003
- 孙建社: 多极化, 全球化, 多样化和国际关系民主化——略论江泽民国际战略思想 [Сунь Цзяньшэ. Многополярность, глобализация, диверсификация и демократизация международных отношений — краткая дискуссия о международной стратегической мысли Цзянь Цзэминя] // *南京师大学报(社会科学版)*. 2003年. 第3期. 第40–45页.
- 徐秀军: 全球经贸格局重构与高质量共建“一带一路” [Сюй Сюйцзюнь. Реконфигурация глобальных экономических и торговых моделей и высококачественное строительство «Одного пояса, одного пути»] // *当代世界*. 2023年. 第9期. 第17–22页. DOI: 10.3969/j.issn.1006–4206.2023.09.004
- 易小丽, 黄茂兴: 中国积极参与G20建设并推动全球经济治理改革的实践变化 [И Сюэли, Хуан Маосин. Активное участие Китая в строительстве G20 и продвижение практических изменений в реформе глобального экономического управления] // *经济研究参考*. 2019年. 第24期. 第27–36页. DOI: 10.16110/j.cnki.issn2095–3151.2019.24.005
- 易继明: 后疫情时代“再全球化”进程中的知识产权博弈 [И Цзимин. Борьба в сфере интеллектуальной собственности в процессе «реглобализации» в постпандемическую эпоху] // *环球法律评论*. 2020年. 第5期. 第163–177页.
- 苏立君, 葛浩阳: 从经济全球化到“再全球化”——基于“一带一路”的战略思考 [Су Лицзюнь, Гэ Хаоян. От экономической глобализации к «реглобализации» — стратегическое мышление на основе «Одного пояса, одного пути»] // *财经科学*. 2017年. 第10期. 第52–62页.
- 袁堂卫, 张志泉: 逆全球化、再全球化的马克思主义分析 [Юань Танвэй, Чжан Чжицюань. Марксистский анализ антиглобализации и реглобализации] // *马克思主义研究*. 2019年. 第9期. 第141–150页.
- 谢浩: 世界发展与中国发展: 中国经济全球化的特征与战略选择 [Се Хао. Глобальное развитие и развитие Китая: Характерные черты и стратегический выбор китайской экономической глобализации] // *郑州轻工业学院学报(社会科学版)*. 2018年. 第2期. 第42–49页.
- 黄新焕, 鲍艳珍: G20机制下中国参与全球经济治理的政策路径 [Хуан Синьхуань, Бао Яньчжэнь. Политический путь Китая по участию в глобальном экономическом управлении в рамках механизма G20] // *经济研究参考*. 2019年. 第24期. 第37–44页. DOI: 10.16110/j.cnki.issn2095–3151.2019.24.006

China's Approach to “Reset” System of Global Economic Governance in the Context of Structural Power Theory

Mirzet S. Ramich

Assistant Professor, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (address: 6, Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russia). ORCID: 0000-0003-1479-2785. E-mail: ramich_ms@mail.ru

Received 30.09.2024.

Abstract:

Globalization, which contributed to the maintenance of the neoliberal world order, slowed down after the Asian Financial Crisis in 1998 and the World Financial Crisis of 2008, when the existing system of global economic governance was unable to support developing countries, strengthening the trend towards regionalization and localization. China, acting as a rising power in the process of “power transition,” has focused its efforts on transforming the system of global governance that has so far provided US hegemony. While initially successfully using globalization for integration into the world economy, China has changed its role in the system of global governance and has become empowered to establish and maintain new global governance structures. China adopted a strategy of expanding its activities in traditional international institutions (UN, WB, IMF) and establishing parallel international institutions (BRI, AIIB) to push forward its perspective of the world order. The US adopted a strategy of decoupling to limit Chinese capabilities in its sphere of influence in response to China's economic rise. On the one hand, this led to the emergence of trade and techno-economic blocs, but on the other hand, China's approach preserved the possibility of participation in its institutions for countries which are considered to be the “core” of the existing economic order (G7, G20, OECD). The author concludes that in the present context China adheres to a non-conflict asymmetric approach to reforming the system of global governance in the economic sphere, which implies global distribution of norms through the UN, G20 and BRICS and re-globalization of global trade through intensification of regional cooperation with Asian, African and Latin American countries within the framework of the BRI, forums for cooperation between regional organizations and China, and integration of developing countries into parallel financial institutions.

Key words:

China, US, power transition, globalization, global governance.

Funding sources:

The research was supported by the Russian Science Foundation Research Project No. 24-18-00443, URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00443/>, FSEI HPE “Financial University under the Government of the Russian Federation”.

For citation:

Ramich M.S. China's Approach to “Reset” System of Global Economic Governance in the Context of Structural Power Theory // Far Eastern Studies. 2024. No. 5. Pp. 7–24.
DOI: 10.31857/S0131281224050012.

References

- Almeida F.A.R. Belt and Road Initiative and its Impacts on Latin America's Regional Integration. The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12). Amsterdam University Press, June 2022. Pp. 9–17.
- Berdsoll N., Fukuyama F. Konsensus posle vashingtonskogo [Post-Washington Consensus]. *Rossiya v global'noj politike*. 2011. T. 9. No. 2. S. 194–203. (In Russ.)
- Degterev D.A., Piskunov D.A., Eremin A.A. 5G-konkurenciya SSHA i KNR v stranah Latinskoj Ameriki: u istokov tekhnologicheskogo dekaplinga [US and PRC 5G competition in Latin America: at the origins of technological decoupling]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2023. No. 3. S. 20–37. DOI: 10.17976/jpps/2023.03.03. (In Russ.)
- Degterev D.A., Ramich M.S., Cvyk A.V. SSHA — KNR: «vlastnyj tranzit» i kontury «konfliktnoj bipolarnosti» [U.S. — China: “Power Transition” and the Outlines of “Conflict Bipolarity”]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2021. T. 21. No. 2. S. 210–231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231. (In Russ.)

- Duggan N. China—The Champion of the Developing World: A Study of China's new Development Model and its Role in Changing Global Economic Governance. *Politics & Policy*. October 2020. Vol. 48. No. 5. Pp. 836–858. DOI: 10.1111/polp.12377
- Grachikov E.N., Syuj H. KNR i mezhdunarodnaya sistema: formirovanie sobstvennoj modeli mirovostroystva [China and the International System: The Formation of a Chinese Model of World Order]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. 2022. T. 17. No. 1. S. 7–24. DOI: 10.17323/1996–7845–2022–01–01. (In Russ.)
- Konkurenciya mezhdru SSHA i KNR: vozmozhnosti dlya Rossii: Monografiya [Competition between the U.S. and PRC: Opportunities for Russia: A Monograph] / Pod red. D.A. Degtereva. M.: Aspekt Press, 2024. 300 s. (In Russ.)
- Lake D.A. Economic Openness and Great Power Competition: Lessons for China and the United States. *The Chinese Journal of International Politics*. September 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 237–270. DOI: 10.1093/CJIP/POY010
- Larionova M.V., Shelepov A.V. «Gruppa dvadcati», BRIKS i «Gruppa semi» v global'nom ekonomicheskom upravlenii [The G7 and BRICS in the G20 Economic Governance]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. T. 14. No. 4. S. 48–71. DOI: 10.17323/1996–7845–2019–04–03. (In Russ.)
- Leksytina Ya.V. Kitaj i reformirovanie mezhdunarodnoj ekonomicheskoy sistemy [China and the reform of the International Economic System]. *Sravnitel'naya politika*. 2018. T. 9. No. 3. S. 26–41. DOI: 10.18611/2221–3279–2018–9–3–26–41. (In Russ.)
- Mbaidjol N.K. African countries and the global scramble for China: a contribution to Africa's preparedness and rehearsal: International comparative social studies. Leiden: Boston: Brill, 2019. Vol. 41. 190 p.
- Oloruntoba S. G77+China and Global Governance of Trade and Development. *Latin American Report*. August 5, 2016. Vol. 31. No. 1. DOI: 10.25159/0256–6060/427 (accessed: 15.08.2024).
- Oniş Z., Kutlay M. The New Age of Hybridity and Clash of Norms: China, BRICS, and Challenges of Global Governance in a Postliberal International Order. *Alternatives: Global, Local, Political*. May 2020. Vol. 45. No. 3. Pp. 123–142. DOI: 10.1177/0304375420921086
- Paradise J.F. China's Quest for Global Economic Governance Reform. *Journal of Chinese Political Science*. February 2019. Vol. 24. No. 3. Pp. 471–493. DOI: 10.1007/s11366–019–09610–5
- Paradise J.F. The Role of "Parallel Institutions" in China's Growing Participation in Global Economic Governance. *Journal of Chinese Political Science*. April 2016. Vol. 21. No. 2. Pp. 149–175. DOI: 10.1007/s11366–016–9401–7
- Park S.C. Mega FTAs and the Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) in the Asia Pacific Region: Will It Be Cooperation or Competition? *International Organisations Research Journal*. July 2023. Vol. 18. No. 2. Pp. 122–150. DOI: 10.17323/1996–7845–2023–02–07
- Paul T.V. Globalization, deglobalization and reglobalization: adapting liberal international order. *International Affairs*. September 2021. Vol. 97. No. 5. Pp. 1599–1620. DOI: 10.1093/ia/iia072
- Paul T.V. The Specter of Deglobalization. *Current History*. January 2023. Vol. 122. No. 840. Pp. 3–8. DOI: 10.1525/curh.2023.122.840.3
- Peng B. China, Global Governance, and Hegemony: Neo-Gramscian Perspective in the World Order. *Journal of China and International Relations*. June 15, 2018. Vol. 6. No. 1. Pp. 49–72. DOI: 10.5278/ojs.jcir.v6i1.2363
- Petrovskij V.E. Perspektivy' rasshireniya i razvitiya BRIKS: akademicheskie diskussii v Kitae [Prospects for BRICS Expansion and Development: Academic Discussions in China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2024. No. 2. S. 48–60. DOI: 10.31857/S0131281224020047. (In Russ.)
- Salickij A.I., Semenova N.K. Dva kontura: novoe osmyslenie mesta Kitaya v mirovoj ekonomike i politike [Two contours: rethinking China's place in the global economy and politics]. *Kommunisticheskij Kitaj. Celi i zadachi k stoletnemu yubileyu KPK: Materialy ezhegodnoj nauchnoj konferencii Centra politicheskikh issledovanij i prognozov IDV RAN*. M.: IDV RAN, 2021. S. 161–172. (In Russ.)
- Sampson M., Wang J. Status-quo enhancing versus status-quo challenging change in global economic governance: the case of China in finance and trade. *International Relations*. December 2023. Vol. 37. No. 4. Pp. 613–633. DOI: 10.1177/00471178221139997
- Stanojević N., Zakić K. China and deglobalization of the world economy. *National Accounting Review*. March 2023. Vol. 5. No. 1. Pp. 67–85. DOI: 10.3934/NAR.2023005
- Strange S. State and Markets. 2nd ed. L.: Continuum, 1994.
- Timofeev O.A., Sharipov F.F. Obostrenie kitajsko-amerikanskoj konkurencii po probleme miroporyadka: e'voljuciya vzglyadov kitajskix ucheny'x [Aggravation of China-US Competition on the Problem of

- the World Order: Chinese Scientists Views Evolution]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2023. No. 2. S. 26–40. DOI: 10.31857/S013128120025383–2. (In Russ.)
- Vinogradov A.V. Vneshnij mir v strategii Kitaya posle XX s"ezda KPK [The Outside World in China's Strategy after the 20th CPC Congress]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2023. No. 5. S. 90–107. DOI: 10.31857/S013128120028043–8. (In Russ.)
- Wang Z., Sun Z. From Globalization to Regionalization: The United States, China, and the Post-Covid-19 World Economic Order. *Journal of Chinese Political Science*. March 2021. Vol. 26. No. 1. Pp. 69–87. DOI: 10.1007/s11366–020–09706–3
- Zhang K.H. U.S.-China Economic Links and Technological Decoupling. *The Chinese Economy*. February 2023. Vol. 56. No. 5. Pp. 353–365. DOI: 10.1080/10971475.2023.2173399
- 黄新焕, 鲍艳珍: G20机制下中国参与全球经济治理的政策路径 [Huang Xinhuan, Bao Yanzhen. The policy path of China's participation in global economic governance under the G20 mechanism]. 经济研究参考. 2019年. 第24期. 第37–44 页. DOI: 10.16110/j.cnki.issn2095–3151.2019.24.006. (In Chin.)
- 苏立君, 葛浩阳: 从经济全球化到“再全球化”——基于“一带一路”的战略思考 [Su Lijun, Ge Haoyang. From economic globalization to “re-globalization” — Strategic thinking based on “Belt and Road”]. 财经科学. 2017年. 第10期. 第52–62页. (In Chin.)
- 孙建社: 多极化、全球化、多样化和国际关系民主化——略论江泽民国际战略思想 [Sun Jianshe. Multi-polarization, Globalization, Diversification and Democratization of International Relations—A Brief Discussion on Jiang Zemin's International Strategic Thought]. 南京师大学报(社会科学版). 2003年. 第3期. 第40–45 页. (In Chin.)
- 谢浩: 世界发展与中国发展: 中国经济全球化的特征与战略选择 [Xie Hao. Global Development and China's Development: Characteristics and Strategic Choices of China's Economic Globalization]. 郑州轻工业学院学报(社会科学版). 2018年. 第2期. 第42–49 页. (In Chin.)
- 徐秀军: 全球经贸格局重构与高质量共建“一带一路” [Xu Xiujun. Reconfiguration of Global Economic and Trade Patterns and High-Quality Construction of “One Belt, One Road”]. 当代世界. 2023年. 第9期. 第17–22 页. DOI: 10.3969/j.issn.1006–4206.2023.09.004. (In Chin.)
- 易继明: 后疫情时代“再全球化”进程中的知识产权博弈 [Yi Jiming. The Intellectual Property Game in the Process of “Re-Globalization” in the Post-Pandemic Era]. 环球法律评论. 2020年. 第5期. 第163–177 页. (In Chin.)
- 易小丽, 黄茂兴: 中国积极参与G20建设并推动全球经济治理改革的实践变化 [Yi Xiaoli, Huang Maoxing. China's active participation in the construction of G20 and promotion of practical changes in the reform of global economic governance]. 经济研究参考. 2019年. 第24期. 第27–36 页. DOI: 10.16110/j.cnki.issn2095–3151.2019.24.005. (In Chin.)
- 袁堂卫, 张志泉: 逆全球化、再全球化的马克思主义分析 [Yuan Tangwei, Zhang Zhiquan. A Marxist analysis of anti-globalization and re-globalization]. 马克思主义研究. 2019年. 第9期. 第141–150 页. (In Chin.)
- 周嘉昕: “全球化”“反全球化”“逆全球化”概念再考察 [Zhou Jiaxin. Re-examination of the concepts of “globalization”, “anti-globalization” and “deglobalization”]. 南京社会科学. 2024年. 第4期. 第20–27 页. DOI: 10.15937/j.cnki.issn1001–8263.2024.04.003. (In Chin.)